

Осень в Цзиньюане наступила, казалось, немного раньше обычного.

Дождь на улице моросил уже целую неделю, всё вокруг было сырым, вызывая у людей невольное раздражение и тревогу...

Тан Сяою, только что забравшая сына из школы, вешала два дождевика на крючки у входного двери. Капли дождя на её висках бесшумно скатывались по щекам, оседая на слегка пожелтевшей рубашке.

— Тандоу, переобуейся и садись за уроки, которые задала учительница, — проговорила Тан Сяою, протягивая сыну детские тапочки из обувного шкафа и вытирая воду с лица. — Ты услышал, что сказала мама? Не смей играть в планшет, как только зайдешь в комнату!

Мальчик по имени Тандоу нахмурился, с сердитым видом сам переобулся и ничего не ответил.

Сменив обувь, он выхватил из рук Тан Сяою портфель, решительно направился в свою спальню и с громким стуком захлопнул дверь.

Тан Сяою вспыхнула от гнева. Она взглянула на часы на стене — было уже около половины шестого вечера, пора было готовиться к ужину.

Подумав об этом, Тан Сяою подавила порыв немедленно отчитать сына. Она несколько раз тяжело вздохнула, чтобы успокоиться, и бросилась на кухню хлопотать над ужином для всей семьи.

День за днем жизнь домохозяйки казалась Тан Сяою до боли однообразной и тоскливой, но изменить положение дел она была не в силах.

Супруги окончили один и тот же университет, оба происходили из экономически неразвитых регионов, с той лишь разницей, что один был родом из горных мест, а другой — с равнины.

После долгих лет упорного труда молодой семье удалось купить жилье и закрепиться в крупном мегаполисе второго эмирата, что было поистине непросто.

Однако свекровь была слабого здоровья и все еще ухаживала за мужем в деревне, а мать самой Тан Сяою рано умерла, и отец тоже скончался от болезни два года назад, так что полагаться было не на кого и помощи ждать от родственников не приходилось.

Поэтому через два года после свадьбы, когда родился Тан Сяою, ей пришлось с горечью оставить любимую работу, полностью посвятив себя дому, мужу и ребенку.

Она думала, что когда сын пойдет в школу, сможет вернуться в социум и снова устроиться на

работу, но после поступления в школу ежедневные поездки за ребенком превратились в новую проблему.

Вряд ли найдется хоть одна компания, готовая нанять сотрудницу, которой постоянно нужно отпрашиваться. Бывший начальник отдела кадров Тан Сяою понимала это лучше кого бы то ни было.

Финансовое положение семьи не позволяло нанять няню, это казалось несбыточной мечтой, поэтому ей, как матери, оставалось лишь продолжать тянуть лямку домохозяйки.

Трёхразовое питание, стирка, мытье полов, школа, проверка уроков... На ее плечах держался целый дом!

Тан Сяою, осторожно нарезая тофу соломкой на кухне, горько покачала головой. Знай она заранее, что годы учебы и долгий путь из глуши приведут лишь к столь плачевному исходу, стала бы она так старательно грызть гранит науки?

Или, может быть, она отказалась бы от блестящей карьеры ради замужества и детей? Увы, повернуть время вспять было невозможно.

В этот момент дверь снаружи отворилась.

Тан Сяою отложила кухонный нож, тихо выдохнула, взяла себя в руки, а затем выглянула из кухни с легкой улыбкой на лице. Глядя на молодого человека в деловом костюме, стоявшего в прихожей, она мягко спросила:

— Муж, ты вернулся? Сегодня так рано с работы! Шел дождь, на дорогах не было пробок?

Мужчину, которого Тан Сяою называла мужем, звали Чу Фэн. Он работал менеджером по работе с клиентами в автосалоне. Обычно он засиживался допоздна, но сегодня, на удивление, освободился очень рано.

Он рассеянно закрыл дверь, едва слышно буркнул что-то себе под нос, бросил ключи от машины и направился в гостиную. Плюхнувшись на диван, он уткнулся в телефон и принялся бесстрастно листать ленту.

— Осталось приготовить последнее блюдо, муж, отдохни пока. — Не дождавшись ответа от мужа, Тан Сяою вернулась на кухню и продолжила хлопотать, невольно ускоряя движения.

За окном дождь усилился, капли барабанили по стеклу, отражая тусклый свет в комнате и пляшущие языки пламени на плите.

Вскоре три блюда и суп уже стояли на обеденном столе.

Тан Сяою бросила взгляд на Чу Фэна, который продолжал валяться на диване с телефоном, испытывая легкое разочарование от его привычки ждать готового. Сняв с талии фартук, она направилась напрямиком в спальню сына.

— Тандоу, помой руки, пора ужинать, — мягко произнесла она, толкая дверь детской.

Но едва открыв дверь, она тут же увидела, как мальчик торопливо выключает планшет, с видом пойманного с поличным воришки.

Огонек раздражения вспыхнул в ее груди. Больше не сдерживаясь, Тан Сяою в два шага подлетела к сыну, вырвала из его рук чистую тетрадь, которую он заслонял ладонями, и на комнату обрушился ее яростный окрик:

— Ты столько времени дома, а не написал ни строчки! Что я тебе говорила, ты вообще слушал меня? Целыми днями только и знаешь, что пялиться в планшет да играть в игры, ты что, хочешь свести мать в могилу?

Пухленький мальчик испугался вне вспышки матери. Словно понимая свою вину, он опустил голову и молчал, а его пухлые ручки тревожно мяти перед собой обломок стерки.

В этот момент Чу Фэн неторопливо подошел к комнате, словно происходящее его не касалось. Окинув взглядом двоих присутствующих, он прислонился плечом к косяку двери и продолжил возиться с недоигранной партией в телефоне, выражая крайнее раздражение.

— Ребенок целый день учился, устал, поиграет немного — эка невидаль. Поужинает и сразу сядет за уроки, ничего страшного. Ты, Сяою, вечно преувеличиваешь. Посмотри, до чего довела ребенка своим криком, неужели нельзя обуздать свой скверный нрав?

Услышав это, мальчик тут же подскочил, будто с ним поступили страшнейшим образом, подбежал к Чу Фэну и крепко обнял его за талию, горько разрыдавшись:

— Мама злая, я ненавижу маму...

Тан Сяою снова глубоко вздохнула. Глядя на мужа, отработавшего целый день, она попыталась сохранить остатки здравого смысла и спокойствия, чтобы воззвать к его разуму:

— Если бы уроки были сделаны, я бы слова не сказала против того, чтобы он поиграл в планшет. Но он уже больше часа дома, и не написал ни буквы! Любой на моем месте потерял бы терпение!

В этот момент на экране телефона Чу Фэна зажглись крупные буквы: Поражение. Судя по всему, партия была проиграна.

То ли из-за проигрыша в игре, то ли из-за каких-то трудностей на работе, Чу Фэн помрачнел пуще прежнего и со злости швырнул телефон прямо на кровать сына.

— Чего тебе? Судя по виду, ты счастлива только тогда, когда устраиваешь со мной скандал?

Тан Сяою закипела от гнева. Сдерживая эмоции, она чуть дрожащими губами произнесла:

— Я говорю об успеваемости Тандоу! Если с детства у него не будет хороших привычек к учебе, как он сможет поступить в хороший университет и найти нормальную работу в будущем?

— Да он еще мал, университет от него чертовски далеко, к тому же... — голос Чу Фэна взлетел на несколько октав, а в глазах полыхнул гнев. — Ты сама окончила занюханный вуз, с какой стати надеешься, что он поступит в престижный?

Тан Сяою горько усмехнулась:

— Мы с тобой учились в одном университете! Ты теперь презираешь мое учебное заведение?

— Пусть даже в одном, но сейчас я зарабатываю по крайней мере больше тебя!

Чу Фэн тяжело дышал, выплескивая накопившееся недовольство:

— Столько лет ипотека, кредит за машину, все расходы на еду и одежду висят на мне одном! А ты? Что ты сделала для нашей семьи? С тех пор как родился Тандоу, ты только и делаешь, что сидишь дома с ребенком да стряпаешь! И что в итоге? Даже уроки проверить не можешь, от тебя толку чуть, целыми днями только и умеешь, что скандалить!

— Что ты сказал?

Тан Сяою показалось, что кровь ударила ей в голову, а в глазах зашипало от слез. От охватившего ее гнева тело затряслось, а в голосе послышались рыдания:

— Чу Фэн, по-твоему, я именно такая?

— Разве нет?

В голосе Чу Фэна не было и намека на смягчение из-за ее слез, он продолжал негодовать:

— Чтобы заработать лишнюю копейку, перед начальством и клиентами я стелюсь ковром, а ты каждый месяц только и знаешь, что клянчить деньги на жизнь, от тебя никакой помощи! Я содержу вас в тепле и сытости, а ты даже сына воспитать не в состоянии!

— Так вот что ты на самом деле обо мне думал!

Тан Сяою холодно усмехнулась, позволяя слезам катиться по щекам. Она без сил стояла на месте, чувствуя, как ее сердце раскалывается на мелкие осколки, словно разбитый хрусталь.

— Когда меня только повысили до начальника отдела, и я не хотела бросать карьеру, это ты умолял меня пораньше родить плод нашей любви, обещал стать хорошим отцом и мужем. Когда родился Тандоу и некому было с ним сидеть, это ты клялся пахать изо всех сил, чтобы я спокойно сидела дома и не думала о деньгах, уверял, что прокормишь нас с сыном! А теперь выходит, что это ты милостиво содержишь меня? Будто я вообще не приложила никаких усилий в этом доме?

— Да ты всего лишь выполняешь легкую домашнюю работу, какая это забота? Любая женщина справится!

Чу Фэн не замечал, насколько жестоки его слова, и заводился все сильнее:

— Не хочешь жить — так давай разойдемся! На работе дела идут хуже некуда, сегодня в пух и прах разругался с шефом, еле живой пришел домой, так еще и выслушивать твои истерики! Чертовски жалею, что ослеп и женился на тебе, мы изначально были людьми из разных миров!

— Разных миров?

Тан Сяою тихонько рассмеялась, ее потухшие глаза застилали слезы, веки покраснели.

— Какая ирония...

Раньше он уверял, как сильно ее любит, а теперь заявляет о разнице миров. У этого человека оказалось два лица!

А мальчик, все это время прижимавшийся к отцу, решительно встал на его сторону, и в силу своего юного возраста подлил масла в огонь:

— Мама Цици и Жуйруй всегда при параде, когда забирают их из школы. В такой дождь их мамы приезжают на машине, не то что я — еду на электроскутере и промокаю насквозь... Если вы разведетесь, я точно останусь с папой...

— Что ты сказал?

Тан Сяою ошеломленно уставилась на сына, которого носила под сердцем и выхаживала двое суток. Все эти семь лет она была уверена, что окружила его абсолютной заботой и любовью. Но сейчас этот малыш знал, как больнее всего ужалить материнское сердце.

— Бабушка говорит, если бы не ты, папа такой работающий, давно бы нашел мне маму намного красивее...

— Мелкий паршивец, что ты несешь?

Чу Фэн тут же закрыл Тандоу рот ладонью и виновато посмотрел на заплаканную жену:

— Тандоу еще мал, не слушай глупости.

— Глупости ли, ты и сам прекрасно знаешь.

Тан Сяою холодно смахнула слезы. От боли в груди у нее перехватило дыхание.

Ребенок вряд ли сам придумал бы такое, если бы кто-то не толдычил ему об этом изо дня в день.

Она прекрасно помнила, как ее свекровь, вечно жалующаяся на боли в голове и ногах, только вчера уехала обратно в деревню.

А ведь та постоянно твердила одно и то же: какой у нее замечательный сын и что любая городская девчонка сочтет за счастье выйти за него...

Хватит. Говорить больше не о чем.

Сердце Тан Сяою превратилось в пепел. Ноги стали свинцовыми, она медленно повернулась, намереваясь уйти, но вдруг перед глазами потемнело, и она рухнула на пол без чувств...

Отец с сыном мгновенно перепугались до полусмерти: один безутешно рыдал, призывая маму, а второй в отчаянии звал ее по имени...

<http://bllate.org/book/22396/2350289>